

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
ГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»

М.А. Бандурин

Кандидат исторических наук,
внештатный научный сотрудник
НИИ интеллигентоведения при
ГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»

Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность

Настоящая работа является логическим продолжением синхронно готовящейся к публикации статьи [34], посвященной некоторым историографическим, социально-историческим и иным теоретическим проблемам различения понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы». Главным итогом проведенных изысканий можно считать генеральную демаркацию с расстановкой содержательно-смысловой иерархии обозначенных дефиниций. В данной работе авторы предприняли попытку дополнить сделанные теоретические выводы конкретно-практической иллюстрацией, показывающей их достоверность, наметить контуры вариативной модели поведения интеллигенции и протоинтеллигенции (молодого поколения, выступающего источником ее пополнения) как особого типа людей в динамично меняющейся социально-политической действительности России и Европы, осуществить оценку духовного облика современного «интеллектуального сообщества» и его отдельных представителей. С этой целью и были специально привлечены эпизоды-фрагменты ранее имевших место дискуссий в научной среде, необходимые в качестве индикаторов реального проявления столкновений, иногда выходящих на уровень напряженной идейной конфронтации, созидательной и разрушительной потенций интеллигенции как социально-исторической силы.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, модель поведения, созидание и разрушение, духовный облик, релятивизм, энтропия, индивидуализм.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».

В одной из последних работ [34], посвященной теоретическим проблемам происхождения, состава, источников пополнения «интеллектуального сообщества», нами, на основании критического анализа различных концепций, принадлежащих как к интелли-

гентоведческой историографии, так и исходящих от междисциплинарных направлений социолого-политологического спектра, было произведено содержательное различение понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция». Основными итогами проведенного исследова-

ния, в резюмированном виде, стали два ведущих положения: 1) Понятие «интеллектуалы», на протяжении длительного времени, прежде всего, в западноевропейской культуре и свойственной ей ментальности использовавшееся как обозначение «выдающегося меньшинства» не может иметь самостоятельного значения и ни в коей мере указывать на незаурядные, исключительные познавательные способности, если не соотносится с субъектом-носителем высшего уровня. 2) Мы предложили качественно иную «классификацию» интеллигенции, выявив две категории социально-исторического типа ее представителей. К первому, и главному, относится подлинная интеллигенция в проясненном и очищенном от каких-либо идеологических примесей смысла слова. Она объединяет людей особого типа, следующих за своим высоким предназначением служения истине (имеющей всеобщий, единый и интегральный, наднационально-антипартикулярный характер) и вырабатывающих соответствующий этос бытия, связанный с активным критическим мышлением, нонконформистской позицией по отношению к чужеродным влияниям. Вторая социальная группа представляет собой псевдоинтеллигенцию, поскольку к ней относятся либо обыватели-позитивисты, убежденные в том, что интеллигентность – это разновидность трудовой активности, сопряженной с должностным и иным статусом, либо полностью аморфные индивиды, причислившие себя к интеллигентам на основании «дискурсивной самоидентификации». Сюда же можно отнести и т.н. интернет-«интеллигенцию» с ее претензиями на самостоятельность виртуального пространства как дополнительной площадки, становящейся ареной ведения дискурсивно-информационных войн.

Однако, взяв курс на преодоление подобного релятивизма, тем не менее, приходится констатировать, что все это проведенное последовательное, ступенчатое различение приобретает не только теоретический, но и ярко выраженный практический характер. Ибо представители указанных антагонистических по своей сущности групп (интеллигенты и псевдоинтеллигенты) выступают не только как абстрактные категории, но и как вполне реальные силы, обладающие соответствующим полярным – как созидательным,

так и разрушительным, негативным потенциалом. При этом оппозиция этих сил вновь принимает традиционный вид противостояния «большинства» и «меньшинства», с той лишь разницей, что пропорциональное размежевание стало еще более резким: скорее, уже вполне допустимо говорить о расколе социально-интеллектуального пространства на «подавляющее большинство», навязывающее свою монополию на истолкование, восприятие действительности с помощью единственного «аргумента» – количественного превосходства, и отдельные, малочисленные, рассеянные, в основном, персонифицированные бастионы консерватизма и благоразумия, еще хранящие подлинный «дух интеллигентности» в строго описанном нами смысле.

В научной историко-политической, социологической и иной многочисленной по жанру и спектру литературе ведутся интенсивные дискуссии, в центре которых находится проблема реальной диспозиции и формы проявления разрушительных (деструктивных) и созидательных сил интеллигенции, связанных с деятельностью ее отдельных представителей, так и коллективных общностей. Значительное число ученых, публицистов связывают кризис интеллигенции, ее духовную стагнацию на современном этапе с разрушением и конвульсивной дискретностью метаисторического процесса трансляции культурных, общечеловеческих ценностей и отсутствием достойных преемников-хранителей накопленного интеллектуального потенциала. Общий вывод, к которому приходят исследователи: молодое поколение, призванное выступить источником возрождения и поддержания интеллигентности как состояние духа, соответствующего образу мысли и действия, постоянно испытывающего ощутимые удары со стороны в ходе различных «вызовов времени», абсолютно не способно выполнить эту функцию даже в масштабе защиты национально-государственных приоритетов, не говоря уже об осмыслении интегральных, универсальных ценностей и объективной истины, не скованной партикулярными рамками.

Так, применительно к историческому опыту России встречаются следующие, во многом справедливые суждения. «В атмосфере агрессивного натиска антикультуры формируются новые поколения российских

граждан, чье сознание заражено бактериями примитивного потребительства, поклонения чужим идолам, пренебрежения к национальным ценностям» [3, с. 42]; «можно говорить о духовно-нравственной маргинализации молодежи, прогнозировать дальнейший рост бездуховности, безнравственности и аморальности в молодежной среде» [12, с. 239]. Политолог А.С. Панарин констатировал: «деморализация и дезориентация молодого поколения несомненны...». И далее: «духовная атмосфера порождает активистов не созидания, а разрушения, разрушения, растреления...» [15, с. 150, 389]. А.А. Труфанов причисляет молодежь к «полностью потерявшему поколению» [25, с. 200], которое характеризуется следующими сугубо негативными признаками: социальная апатия – уход из политической и общественной жизни, разочарование в политических партиях, недоверие к власти, распространение мещанских семейно-эгоистических настроений; кризис нравственных ценностей, отказ от правды, честности, совестливости, любви, дружбы как основы отношений между людьми; падение престижа честного труда, дозволенность недобросовестности, обмана, цинизма, эксплуатации, насилия; рост потребительских настроений, проявляющийся в росте материальных вожделений, эгоизма, пренебрежения духовными ценностями, дегуманизация отношения между людьми» [23, с. 158.]. При таком положении дел, как заключает социолог В.Н. Шубкин, «социальный и моральный климат в стране изменится не в лучшую сторону, когда нынешние студенты станут элитой общества. Общество будет более прагматичным, более жестоким, более лживым и беспощадным к слабым» [28, с. 59]. В связи с этим В.А. Ядов небезосновательно резюмирует, описывая мрачные перспективы современной интеллектуальной «элиты»: «прагматически ориентированные из молодых смогут плавно встроиться в структуры власти, бизнеса, масс-медиа и пр., тогда как “идейным” для этого не останется их социального и символического ресурса. С учетом миросистемных процессов это означает высокую вероятность того, что новые поколения прагматиков будут продолжать трансформации российских социальных институтов в прозападном направлении» [35, с. 260].

Самым радикальным высказыванием в плане эмоционального выражения протеста высказываем можно считать суждение известного режиссера, актера С.С. Говорухина, который вынес следующий приговор: «Растет новое – глупое, необразованное воровское племя. Растет нация рабов. Удел ее, в конечном счете, – служить иностранцам» [7, с. 83].

Проявление деструктивного потенциала, который уже описанными способами кристаллизуется и накапливается в среде *протинтеллектуальности* (молодежи), разумеется, нельзя свести только к т.н. низкопоклонству перед «чужими», ибо раболепие – это, скорее, больше эмоциональная и художественная характеристика, весьма поверхностно отражающая суть вещей, поскольку она очень часто использовалась в негативной коннотации, в том числе для возведения искусственного барьера между Россией и Европой, становясь почти единственным обоснованием политики изоляционизма, идейной, культурной и иной автаркии. При этом вполне разумный и рациональный обмен опытом, научными и иными достижениями расценивалась в утилитарно-националистическом смысле – как «утечка мозгов», для предотвращения которой обычно применялись два «традиционных» метода: 1) идеологический – навешивание ярлыков, обвинение в измене, предательстве (ибо, интеллигенту вне «отечественности» отказывали в способности и прерогативе на служение истине) 2) репрессивно-политический – насильственное удержание, что практиковалось в СССР, когда значительное количество крупных ученых, деятелей культуры работали на «национальное достояние» в «шарашках» и лагерях. В связи с этими мыслями уместно будет привести следующий пример. Во время кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» в 1940-х академик П.Л. Капица смело писал: «...Всякая культурная страна должна быть заинтересована в развитии большой науки и техники в мировом масштабе и всеми средствами содействовать и их развитию. Узкий эгоизм (национально-государственный – К.Ю., М.Б.), воображающий, что можно брать не давая, может быть политикой только тупого человека... Поэтому все, что хоть немного содействует развитию большой науки и техники, должно быть сделано общим достоянием. Не надо смущаться, что не только мы (русские, СССР. – К.Ю.,

М.Б.), но и кто-либо другой использует их раньше и пойдет дальше...» [10, с. 131].

Реальную опасность, которую нельзя недооценивать, представляет скорее внутренняя «энтропия-в-себе», заключающаяся в стихийном, агрессивном политиканском *интеллектуализме*, манифестация которого угрожает смертельным ударом по стержню социально-интеллектуальной иерархии – четкому различению внешнего и внутреннего, подлинного и ложного, органического и искусственно вызванного, спровоцированного с помощью тщательной комбинации фактов. Подобный хаос уже имел место быть в новейшей истории Франции 1960-1970-х гг. Вершиной и главным фокусом предпринятого «лево-эгалитаристского переворота» стали волнения, достигшие стадии баррикадных противостояний, главным образом, *студентов*, известные в литературе как «Красный Май 68» [21, с. 57]. В мае-июне 1968 г. после стремительной эскалации предшествующих лет произошел резкий всплеск анархизма, обретшего вид некой «фронды протестующих и недовольных» – аформной массы интеллектуалов-экстремистов (1), причислявших себя к анархо-синдикалистам, «ситуационистам», гошистам, маоистам, неомарксистам, и даже троцкистам [21, с. 58-60].

Среди требований, предъявлявшихся «восставшими», фигурировали различные вариации давно известных лозунгов французской революции: студенческая борьба, борьба рабочего класса, создание «коллективного управления» не только на производстве, но и прежде всего, в учебном процессе, который предполагалось организовать на «паритетных началах» – контроль над знаниями «совместными комиссиями студентов и профессоров» (доктрина студенческой власти: «самоуправление», «оспаривание» и «автономия») [21, с. 62.]. Самыми радикальными требованиями можно считать курс на преодоление «буржуазной идеологии потребления», а также практические меры по реанимации левых компонентов власти и даже исторических личин (появление новых «бешеных» – самой опасной группировки революционных санкюлотов XVIII столетия) – создание Советов университета, подрывных организаций – «Ситуационистского Интернационала», «Анархической студенческой связи», с общими призывами в духе «альтернативы»: «социализм или

варварство», что проводилось под прямым влиянием пропагандистского материала существовавшей в некоторые послевоенные годы «Группы революционного действия», издававшей журнал «Черное и красное» [36, р. 347].

Итак, вместо того, чтобы искать и искоренять патологию, духовную нищету *внутри себя*, французские студенты предпочли перенести ответственность за их экзистенциально-сущностное загнивание на все общество, обвинить режим де Голля в нетерпимости, отсутствии толерантности и анахроническом консерватизме, обилии запретов и ограничений, препятствующих «свободной любви» и *индивидуальным* знаниям (2), не скованным слишком обременительными для воинственных *интеллектуалов* академическими ритуалами и процедурами. Надо ли говорить, что следующий шаг на пути провозглашения подобного индивидуализма и релятивизма – стирание всяческих различий, бесконтрольный хаос, желеобразный синкретизм и, может быть, даже промискуитет. Симптомы, свидетельствующие о вполне реальной возможности довольно быстрой мобилизации деструктивных, подрывных интеллектуальных сил, присутствуют и в современной России. В качестве иллюстрации достаточно упомянуть про такую спекулятивную технологию, как «система ТРИЗ» (Теория решения изобретательских задач), направленную на в буквальном смысле *размножение интеллектуалов* с помощью «методик креатива», «консалтинг-тренингов», призванных мгновенно сформировать требующийся публичный «бренд личности» для обслуживания коммерческих проектов и достижения индивидуального «успеха» [5]. На этом же уровне находятся и многие государственные образовательные структуры, открыто рекламирующие услуги по «интеллектуальной дрессировке» – умению управлять, готовить «сценарии» политических кампаний, «организовывать внутрипартийную коммуникацию и продвижение партийного бренда на политическом рынке» [19]. Вновь возвращается такая, можно сказать, «ретро-профессия», как партстроитель [19], с той лишь разницей, что перспективы самореализации находятся уже не только в русле коммунистической идеологии (3). Тем самым, фактически, осуществляется подготовка новой «гвардии» интеллектуалов-разрушителей,

готовых, за соответствующее вознаграждение, обосновать, организовать любую политическую авантюру, начиная от невинных собраний до экстремистских формирований – проводников смены режима, революции /контрреволюции.

С учётом вышесказанного можно отметить, что основной разрушительный потенциал «традиционных» (левых и либеральных) интеллектуалов состоит в том, что они поддерживают бессмысленный ажиотаж в познавательной сфере. Эта особенность отчасти роднит их с выделяемой многими характерной чертой русской интеллигенции – стремлением переделать мир. На этот рационалистический активизм обратили внимание многие мыслители. Так, М. Хайдеггер подвёл итог эпохе: «Трудящееся животное оставлено дышать угаром своих достижений, чтобы оно растерзало само себя и уничтожилось в ничтожное ничто» [26, с. 178]. Американский философ С. Розен отметил: «То, что разум приобретает от своего освобождения от внешнего порядка подавляется опустошением, присущим работе или, более фундаментально, самому времени, которое, как в мифе о Кроносе, пожирает своих детей. Современный поиск свободы ведёт к перетолкованию человека в терминах труда или, выражаясь по-новому, креативности. Но это в свою очередь ведёт к отождествлению человека с положением радикально исторического индивида. Двигателем работы является отрицание; плод человеческого труда, который зависит от его временного характера, также лишается стабильности и, следовательно, смысла самим статусом своего существования» [37, р. 234]. Р. Генон пришёл к выводу: «Кроме того, иногда складывается впечатление, что философы намного больше заинтересованы в постановке проблем, пусть даже совершенно искусственных и иллюзорных, нежели в их разрешении; и это один из примеров смутной любви современных людей к исследованию ради исследования, то есть к предельно и заведомо тщетной активности, к бессмысленному ажиотажу на всех душевных и физических планах» [6, с. 66]. Ю. Эвола подчеркнул: «Прагматизм, волюнтаризм, актуализм и так далее – все эти течения, хотя и в различной форме, совпадают в единственном мотиве, делая ничто иное, как переводя в спекулятивную область саму сегодняшнюю жизнь: её волнение,

её лихорадку скорости, её механизацию, направленную на уменьшение всякого расстояния в пространстве и времени, её застойный и лишённый дыхания ритм, достигающий своего предела у англосаксонских народов, и прежде всего у американцев» [33, с. 46]. Таким образом самообеспечение, самореализация, комфорт и успех были возведены интеллектуалами в ранг безальтернативных добродетелей, составляющих основу культуры как таковой и уровня её развития.

Поэтому вряд ли имеет смысл продолжать цитировать точки зрения различных «обществоведов», которые по однородному содержанию присутствуют в изобилии. Соглашаясь в целом с «коллективным умозаключением» о явном преобладании разрушительных, деструктивных сил на современном интеллектуальном пространстве, тем не менее следует обозначить несколько уязвимых мест подобной «диагностики». Как мы получили возможность убедиться, в историографии по-прежнему прочно господствуют национально-почвеннические интересы, актуальный и важный вопрос об экзистенциально-онтологическом кризисе ставится вновь лишь в масштабе локальных государственно-политических образований при игнорировании общемировых проблем идейно-интеллектуальной инволюции, которая носит глобальный характер.

Другим моментом, указывающим на противоречивость суждений самих подобного рода критиков «эпохи разложения» свидетельствует уровень аргументации причин наступивших патологических изменений. Так, авторы сборника, посвященного судьбе российской интеллигенции на постсоветском пространстве, с одной стороны выражают солидарность с негативной оценкой «аполитичности» современной «интеллигентоцентричной» молодежи, но в то же время обвиняют предшествующие поколения в якобы неблагоприятном и стихийном активизме, приведшем к губительным культурно-историческим катаклизмам – распаду СССР, наступлению «криминального капитализма» [22, с. 24]: «Именно шестидесятники, – утверждают авторы указанного сборника, – желая освободить отечество от гнета дряхлеющего тоталитаризма и осчастливить грядущие поколения, мужественно разоблачали бездарную геронтократию, с энтузиазмом утверждали демо-

кратию и гласность, инициировали перестройку и невзначай разрушили Советский Союз, а заодно и социалистический лагерь» [22, с. 23].

Однако претензии к интеллигенции, обвиняемой в ниспровержении «старого порядка» путем целенаправленной эскалации противостояния власти и общества, и соответственно – системного кризиса с последующим фатальным исходом, вряд ли можно считать обоснованным, поскольку именно такие оценки показывают, в какой гносеологический тупик зашла отечественная историография, одержимая чуть ли не единственной целью – поиском «национальной идеи». Если следовать внутренней логике этого этапа дискуссии, то получается, что критики отрицают то, что утверждают, а именно – ту самую «гражданско-патриотическую позицию», выражение которое невозможно без реально-практического отношения интеллектуального сообщества к политическому режиму. Апофеозом такого националистическо-партикулярного подхода можно считать высказывание П.Б. Струве, в свое время (в начале XX века) заявившего: «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный мировой случай забвения национальной идеи мозгом нации» [24, с. 272]. Таким образом, выходит, что практически критерием разрушительного, деструктивного влияния интеллигенции как социально-интеллектуальной силы выступает ее отношение к национально-этническим корням и территориально-географическому происхождению. Именно борьба во имя спасения, а вернее – направленная на определение судьбы «Отечества», складывавшейся неудачно, и ее результаты приводили к неоднократным «похоронам интеллигенции», постоянно фигурировавшей в качестве главного отрицательного, разрушительного исторического фактора. «Русская революция (1917 г. – К.Ю., М.Б.), – писал Н.А. Бердяев в эмиграции, – была также концом русской интеллигенции.... Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну...» [1, с. 231].

Не менее драматичной страницей в истории интеллектуального сообщества был и дореволюционный период, главным образом 1860-80-е гг. XIX века, связанный с зарожде-

нием и развитием идеологии «народничества». Это общественно-политическое движение, основанное на подрывных лево-эгалитаристских мифах «вины» интеллигенции перед народом, посмевавшей претендовать на верховенство и исключительность и отделиться от испытывавшего невероятные страдания рабоче-крестьянских масс от «гнета самодержавия»: «Каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, – писал П.Л. Лавров, – каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов... Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем...» [14, с. 86]. Это преклонение перед «землей и народом», хтоническая устремленность выродились в откровенный революционный терроризм «фанатичных интеллектуалов», ставших той «субкультурной группой» [22, с. 65], на политических идеалах которой воспитывалась социал-демократия, что в конечном итоге привело к событиям 1917 года. Неудивительно и даже вполне закономерно, что когда интеллигентность становится понятием, совершенно не защищенным, уязвимым от произвольного и даже откровенно волюнтаристского толкования, содержащего в себе установки на общественно-политическую агрессию, то это не могло не вызвать отторжения. Собственно, уже т.н. «сменовеховцы» осуществили «нигилистический переворот», брезгливо отторгая «интеллигентщину». Более того, П.Б. Струве на страницах сборника выступил с тезисом о том, что «великие русские писатели – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» и даже «Толстой стоит вне русской интеллигенции» [22, с. 55]. В 1991 г. академик А.М. Панченко заявил о своем выходе из рядов русской интеллигенции [16], а известный поэт-пародист А. Иванов инициировал на страницах газеты «Книжное обозрение» целую полемику вокруг своей статьи «Интеллигент – это кто?» Суть его утверждения: «если к интеллигенции относятся Радищев и Чернышевский, Кибальчич и Перовская, Нечаев и братья Ульяновы, то я относить себя к интеллигенции не желаю. Это ниже моего достоинства. Мне стыдно и страшно оказаться в такой компании» [11.] Возникает справедливо обозначенный пара-

докс – «получается русскую культуру творили неинтеллигентные люди» [22, с. 55].

Из всех этих суждений можно сделать серьезный и одновременно печальный вывод, что разрушительная сила интеллигенции опасна, прежде всего, не столько своих внешних проявлениях, всю множественность которых невозможно описать, сколько во внутренней неустойчивости и непредсказуемой направленности. Энтропийность, хаотичность мышления и познания имеет глубокие исторические и метафизические корни, приведшие в своих метастазах к мрачным результатам. Отныне на социально-историческом пространстве продолжают пользоваться популярностью псевдоинтеллигенция, ошибочно воспринимаемая подлинной на основании ее политического активизма, либо разного рода интеллектуализма, демонстрирующего романтический альтруизм, замыкание в оболочке гражданственности и текущих «патриотических» повелений, или же иную индивидуалистическо-партикулярную обособленность. Подобное происхождение, кстати, имеет т.н. культура «эмигрантской интеллигенции», формирующаяся как особая группа только на основании самодостаточного инакомыслия и нахождения «по ту сторону». Именно низкорослость, хтоническая приземленность познавательных сил, раздробленных на местнические академические «традиции» и ритуалы, препятствуют самосознанию интеллигенции как наднациональной и интегральной общности, характеризующейся прочным иммунитетом против любых провокаций, связанных со слепой реактивностью на «вызовы времени».

К сожалению, не только российская, но и зарубежная интеллигенция оказалась в опасной ловушке, связанной с неограниченными возможностями современных информационных технологий. Общедоступность интернет-ресурсов и гарантированная индивидуалистическая вседозволенность самовыражения на просторах виртуального пространства стали ареной проявления разрушительных сил, связанных с распылением интеллектуальной энергии ради защиты «дискурсивного контекста». Однако речь идет не об инструментах и способах самовыражения, а об общей патологии самого коммуникативного пространства.

Как ни странно это звучит, но меньшее, на что способны современные ученые, популяризаторы науки, писатели, общественные деятели и т.д., так это слушать друг друга и приходиться к каким-то конструктивным результатам. Многочисленные конференции, симпозиумы, «круглые столы» и другие подобные мероприятия проходят обычно в обстановке взаимной отчужденности, столкновения «специалистов» разных направлений, которые, словно находясь в вакууме, упрямо презентуют свою «порцию фактов», так и остающихся в качестве подготовительного материала, сырья, не использующегося для выхода на итоговые обобщения и выводы: «читателя-профессионала сейчас тоже не интересует, что пишет другой профессионал. Отсутствие между ними диалога означает только одно: и тот, и другой перестали быть профессионалами» [2, с. 200].

Единственное, чего удается добиться участникам таких временных интеллигентоцентрических групп, так только минимальной психологической солидарности и некой монологичности сознания, достигающейся (как правило уже на «неформальной части») удовлетворением от того, что «занимаются общим делом». Подобное времяпрепровождение оказывается весьма далеким от созидательной миссии /функции по борьбе с мещанством, которую в качестве главной и основной выделяет Т. Вихавайнен [4], ибо значительное число «интеллигентов» давно уже себя дискредитировали, оказавшись в стане «внутреннего врага», подтвердив суровые, но справедливые оценки А. Шопенгауэра: «Учащиеся и образованные всех родов и всякого возраста обыкновенно ищут только знаний, а не понимания. Все их честолюбие направлено на то, чтобы иметь сведения обо всем, обо всех камнях или растениях, или битвах, или опытах, в особенности же обо всех книгах. Что знание есть не более, как средство для понимания, само по себе имеет мало ценности, или не имеет никакой, это им не приходит в голову, тогда как для философского ума сознание этого, напротив является характерным»; «огромному большинству ученых их наука – средство, а не цель. Поэтому они никогда не сделают в ней ничего великого...» [27, т. 5, с. 371-372].

Таким образом, самое опасное, разрушительное влияние интеллигенции заключа-

ется в том, что она проявляет преступную бесхребетность, слабование, молчаливое согласие с инерционным процессом интеллектуалистского изъязвления, с неспособностью и боязнью дать решительный отпор и совершить разоблачение тех ее псевдопредставителей, которые эксплуатируют язык, стиль, образ жизни и иные компоненты реальной экзистенции, вдохновленной сущностью, превращая их в мертвые знаки-символы для сопричастия к общности, которую они представляют не более, чем бизнес-корпорацией: «*Полубуйтесь только на них: лысые макушки, длинные бороды, очки вместо глаз, в качестве суррогата мысли – сигара в звериной пасти, какой-то мешок вместо сюртука, суета вместо благопристойности, надменность вместо знаний, наглость и кумовство вместо заслуг*» [27, т. 5., с. 418.] Как отметил Е.В. Головин: «Интеллигент “витают в облаках”, придумывает модели макро- и микрокосма, модели человека, основанные на воображаемых посылах... [...] Потому что живет в опосредованном мире, созданном знаковыми системами» [8].

Таким образом, в значительной степени, причина доминирования *разрушительных сил*, их практически неконтролируемого господства заключается, однако, не только в силовом, количественном превосходстве «интеллектуалов-агрессоров», но и в отсутствии должной реактивности на их информационно-психологические атаки со стороны мыслящего меньшинства, блюстителей истины, подлинных интеллигентов, к сожалению, нередко отказывающихся от борьбы за идейные приоритеты под предлогом скромности, самонадеянности в бессилии и тщетности войны против «системы», ограничиваясь воспроизводством «интеллигентского этикета», к которому, в частности, академик А.В. Петровский относил следующие качества: «любовь к книге, интерес к культурно-политической жизни, вежливость в общении, опрятность, отсутствие ксенофобии, свободное владение родной речью, нежелание использовать ненормативную лексику» [17].

Все это, в сущности, положительные черты личности, характера, но возникает вопрос – можно ли ограничиваться подобным внешним обликом. Ответ очевиден – такой путь отрицает не только какую-то модель поведения в меняющейся социально-

политической действительности, а представляет собой эгоистическое самоустранение из нее по типу «реалистического виртуализма» – формальное присутствие «образа интеллигентности», но не имеющего никакого прочного этоса. Как совершенно верно отметил И.В. Кондаков, проблема заключается в «духовном, ценностно-смысловом превосходстве интеллигенции над другими слоями и классами общества», и особенно – над народными массами, народом, составляющим «основную силу истории, но в большинстве случаев неспособным подняться до осмысленного и словесно оформленного протеста и научного мировоззрения» [13, с. 249].

При этом, спешим заверить, что всякие опасения, которые нередко испытывают действительно честные и добросовестные люди, искренне (а не конъюнктурно склоняющиеся время от времени, подобно «октябристскому маятнику») заинтересованные в торжестве истины и справедливости, по поводу материальной, психологической и иной затратности, связанной с вхождением в интеллектуальный фронт по борьбе с псевдоинтеллигентами (лжеучеными, интеллектуалами-технократами, филистерами-карьеристами и другими разновидностями безликих индивидов, составляющих бесформенную массу), представляются сильно преувеличенными. Ибо речь идет не о какой-то изнурительной мобилизации элит, против которой восставал Ю. Эвола [32, с. 219-220] и предостерегал А. Шопенгауэр, справедливо писавший, что ему также не приходит в голову вмешиваться в философские споры своего времени, как «не приходит в голову спуститься на улицу к дерущейся черни и принять участие в общей свалке» [27, т. 6, с. 225]. Поэтому наша стратегия предполагает выработку *созидательно направленного*, организованного противостояния враждебно-деструктивным силам, что должно выражаться в нанесении четких, обоснованных, желательно консолидированных идейно-практических ударов, подобных тому, который совершили в своей области академики РАН В. Гинзбург, Ж. Алферов и др., достойно ответив коллективным письмом против клерикализации страны [18], или научно-исследовательский коллектив Института философии РАН, выступивший с осуждением релятивизма как серьезной патологии, болезни философии, заключающейся в утрате

верных познавательных ориентиров, смешении допустимой альтернативы, множественности и вариативности путей нахождения знаний с «интеллектуальным анархизмом» по принципу «все дозволено» [20, с. 5-19].

В то же время, не менее ценной следует и считать самостоятельную инициативу по осуществлению разоблачения очагов *интеллектуалистской* активности, достигающей успеха, нередко именно в силу беспрепятственности поддержания и функционирования пропагандистского канала, который вполне мог бы быть, по крайней мере, приглушен, если бы встретил суровую, уверенную, серьезную критику. Именно такая сбалансированная позиция, предполагающая равноудаленность как от утраты сущностного облика с помощью заимствования методов воздействия (физического или психического принуждения, давления, провокации, схоластического игнорирования, смещения акцентов и т.п., к которым прибегает противоположный лагерь «не-интеллигентов»), так и конформистской пассивности и инертности, в совокупности составляют ту желаемую альтернативу, вариант поведения, который можно назвать действительно конструктивным, составляющим, как выражаются авторы уже цитируемого нами сборника диалогов, «формулу интеллигентности», заключающуюся в сочетании «художественного и научного творчества, просвещения и нравственного воспитания народных масс» с реальной и мужественной оппозиционностью, которая при этом, должна быть «чужда идеям террора и насилия» [22, с. 85-86], свойственная *интеллектуалам и их объединениям* – различным политизированным субкультурам, к которым относятся деятели революционных движений, партий, сект и т.д.

Представляется, что предмет воздействия со стороны представителей интеллигенции на широкую общественность, и практическая реализации *созидательной, конструктивной функции*, связана не только с распространением объективного знания, этики, эстетики, их адекватной презентации в виде соответствующих публикаций, содержащих емкие и существенные ответы для реабилитации зон интеллектуальной активности, подвергшихся дискредитации со стороны подрывных сил, но и с созданием специальных экспертных советов, автономных, нере-

лигиозных цензурных структур, уполномоченных по борьбе с лженаукой и т.п. Входить в подобные ведомства должны люди, прошедшие тщательный отбор, идейно-интеллектуальную фильтрацию, выявляющую верность принципам объективной истины, свободной от всех национально-партикулярных коннотаций, местничества, дискурсивного релятивизма и иных патологических проявлений. Как отметил А.Г. Дугин: «Сейчас на повестке дня стоит возрождение духовного достоинства русской интеллигенции. Это предполагает новое и яркое утверждение давно забытых качеств – неподкупность, преданность идее, готовность за эту идею пострадать, высокомерие в отношении торгашеского и чиновничьего духа. И ещё одно – аристократическая способность отделить откровенную подделку от оригинала. Для этого надо знать историю, теорию искусств, базовые навыки в философии и филологии. Надо обладать начатками независимого вкуса, выбирающего ценность при полном пренебрежении мнением масс» [9]. Главной функцией таких «союзов интеллигентов», составленных из представителей науки, культуры – художественной, театральной, музыкальной и т.п. должна быть разумная сегрегация информационного пространства, направленная на *интеграцию различий*, что станет гарантом интеллектуально-политического единства России и Европы на метафизическом уровне, что возможно при осуществлении «органической реконструкции»: «национальная интеграция через признание принципа наиндивидуальной власти как основы органической и сословной формы политических и социальных сил внутри каждой отдельной нации; наднациональная интеграция посредством признания принципа власти, который должен возвышаться над каждым народом как элементом определенного государства». Только такие предпосылки способны удержать от господства «бесформенного, случайного, неустойчивого», и открыть путь, после последовательного «отвержения федерально-парламентских и “социальных” взглядов на европейское единство» для утверждения «организационно-качественной идеи в рамках иерархической и функциональной системы» [30, с. 214-216].

При этом верховенство власти, ее авторитет должен пристоекать не из монархиче-

ской государственности, и не из тоталитарных тираний, одинаково являющихся историческими утопиями, а из универсального континиума как хранителя единства знания, что сопряжено с практическим воплощением принципов благородного духа, героизма, следования по пути «мужественной аскезы, разрушения низшей природы» [31, с. 75], отрешения и от вождизма-персонализма, и от коллективизма. В итоге вырабатывается «человеческий тип, полный спокойствия и внутренней силы, который является крайней противоположностью титаническому, прометейскому и теллурическому типу» [29, с. 239] – именно эти качества должны выступать признаком подлинной интеллигентности и гарантом ее созидательной миссии.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
2. Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции. Три юбилея. Отв. редактор Н.Н. Скатов. Спб., 2005.
3. Веселов В.Р. Интеллигенция и народ: возвращение к старой теме // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации. Материалы международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2003.
4. Вихавайнен Т. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. Спб., 2004.
5. Викентьев И.Л. Портал проекта «ТРИЗ» // <http://vikent.ru/consulting/> (Последнее посещение: 11.02.2016)
6. Генон Р. Кризис современного мира. М., 2008.
7. Говорухин С.С. Великая криминальная революция. М., 1993.
8. Головин Е.В. Интеллигенция // <http://arctogaia.org.ru/article/679>. (Последнее посещение 11.12.2015)
9. Дугин А.Г. С томиком Ницше на фронт культуры // <http://arcto.ru/article/1016>. (Последнее посещение: 11.12.2015)
10. Записка Г.Ф. Александрова А.А. Жданову об обосновании академиком П.Л. Капицей общечеловеческого характера научных открытий. 7 августа 1947 г. // Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2005.

11. Иванов А. Интеллигент – это кто? // Книжное обозрение. 1992. 13 ноября.
12. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001.
13. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. Курс лекций. М., 2003.
14. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 тт. Т.2. М., 1965.
15. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
16. Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом // Московские новости. 1991. № 50.
17. Петровский А.В. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. 2005. 19-25 октября.
18. Политика РПЦ: консолидация или развал страны? // <http://old.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr03/00.html> (Последнее посещение: 08.02.2016)
19. «Прикладная политология». Магистерская программа МГГУ им. М.А. Шолохова // <http://mggu-sh.ru/ippsr/education/prikladnaya-politologiya> (Последнее посещение: 11.02.2016).
20. Релятивизм как болезнь современной философии. Ответ. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.
21. Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50-70-е гг. XX в.) Иркутск, 2006.
22. Соколов А.В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. Спб., 2006.
23. Социология молодежи: Учеб. пособие для вузов / Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков, Ф. Д. Кадария и др. Ростов-на-Дону, 2001.
24. Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999.
25. Труфанов А.А. Основы теории интеллигентности. Казань, 2002.
26. Хайлеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

27. Шопенгауэр А. Собрание соч. в 6 тт. М., 2011.
28. Шубкин В.Н. Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995.
29. Эвола Ю. Благородный дух // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
30. Эвола Ю. Европа и органическое мышление // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
31. Эвола Ю. Имперская универсальность и националистический партикуляризм // Эвола Ю. Империя Солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
32. Эвола Ю. Носители мифа Европы // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
33. Эвола Ю. Преодоление активизма // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
34. Юдин К.А., Бандурин М.А. Различение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы»: историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты // Общественные науки и современность. 2016. № 2.
35. Ядов В.А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005
36. Bourseiller Chr. Histoire generale de "l'ultra-gauche". Paris, 2003.
37. Rosen S. Nihilism: A Philosophical Essay. London, 1969.

© К.А. Юдин, М.А. Бандурин

Примечания:

1. Многие сторонники сами не стеснялись себя так называть.
2. Что видно из памфлета, составленного студентами – членами «Ситуационистского Интернационала» под названием «Размышление о нищете студенческой жизни, рассматриваемой в ее экономическом, политическом и сексуальном аспектах и скромные предложения по ее изменению» // [22, с. 59]
3. В 1929-1946 гг. в СССР даже выходил специальный двухнедельный журнал «Партийное строительство», являвшийся органом ЦК ВКП(б). Его

можно считать ведущим периодическим изданием, через которое осуществлялась идеологическая пропаганда и политический контроль, а именно – «разъяснение решений ЦК и мобилизация партийного актива, всех коммунистов на практическое претворение их в жизнь».